

* * *

В расхристанный денёк осенний
Я снова вспомню о тебе,
Лирический бунтарь Есенин —
Собрат по грусти и судьбе.

Моя осмеянная всеми
Неразделённая любовь —
Эпический блондин Есенин,
Что супишь бронзовую бровь?

Иду с красивой дочкой Настей
В литинститут на семинар...
А ты обзираешь настезь
Распахнутый Тверской бульвар.

Вокруг владычествует осень,
А дочь моя — сама весна.
Она тебе цветы подносит...
Похоже, тоже влюблена!

И ты не выглядишь уставшим
В цветах поклонниц молодых —
Высоким памятником ставший,
В костюме одетый, как жених!

С улыбкой горько горделивой
Глядишь мне вслед через плечо...
И я кажусь тебе счастливой,
Хоть я не памятник ещё.

* * *

«Ты же девочка!..» — он говорил,
Самый лучший на свете мужчина,
Что меня беззаветно любил,
Хоть мечтал видеть первенцем сына.

Ты же девочка! Не забывай!
Ты надежда и звёздочка наша.

Знай за обе щеки уплеть
Ненавистную манную кашу.

Будь разумной и не прекословь!
Улыбаясь затравленно гордо,
Заломи артистически бровь
И долби день деньской септаккорды.

Ты же девочка! Я не пойму!
Ты должна быть послушной и милой...
Объясни-ка отцу, почему
На предплечье татуху набила?

Объясни, за какие грехи
Ты отчислена из института?..
Что? Какие-такие стихи?
Нет занятий приличней как будто!

Ты же девочка!.. Что за дурак
Держит два ваши паспорта?... Да уж!
Ты никак — так твою перетак! -
В пятый раз собираешься замуж?

...Милый папа... Мне слушать невмочь
Безответные эти вопросы...
Ты прости непутёвую дочь,
Что таскала твои папиросы!

Корень вечной проблемы узря,
Лишь о том сожалею порою,
Что о сыне мечтал ты не зря,
Жизнь считая забавной игрою.

В мир пришедшая майской грозой,
Дурью маюсь, стихами болею...
Папа милый, я стала большой
И навряд ли уже повзрослею!

* * *

Ты женщина, а это ветер вольности...

Юрий Кузнецов

Царя всевластно на родном просторе,
Где навсегда сроднились даль и дол,
Ты шлялся, вольный ветер, в чистом поле
И на судьбу нечаянно набрёл.
Тебя в подол поймала — вот находка!
Немало вольных ветров на Руси!
Ты сначала показался кротким
И даже робким, Господи спаси!

Пока бельё в Урале полоскала
И шла домой по колкому жнивью,
Заискивал, играя с лентой алой,
Что крепко в косу вплетена мою.
Кружа вокруг немислимые вальсы,
Которые у вас всегда в чести,
Внезапно осмелел и попытался
Мною тугую косу расплести.
Я отмахнулась, поправляя локон
Своих строптивых вьющихся волос.
Ты погрузнел и шлялся возле окон,
Дождливо грустных не скрывая слёз.
А ведь, бывало, струги и будары
Гонял ты по седой Урал-реке,
В степи до неба раздувал пожары,
А тут вдруг приуныл в печаль-тоске.
Мечтал бродить веками в чистом поле...
Кому дано смирить твой буйный нрав?
Но заблудился в шёлковом подоле,
На бабу-дурю волю променяв.

* * *

Стипухи хватит на общагу,
А также хватит без проблем
На джинсы «Вранглер», тортик «Прагу»,
И на пластинку Бони Эм.

На что ещё? На радость жизни,
Что в смехе молодом искрит,
Когда уверенность в Отчизне
Сомнению не подлежит.

Тот, кто мою не знает юность,
Присвистнет звонко: «Эге-гей!
Ну ты, Дианчик, размахнулась
На целых 35 рублей!»

А у меня размах имперский —
Калининград — Владивосток!
И хохот молодой и дерзкий
Взлетает аж под потолок.

А у меня страна такая —
Земли одна шестая часть!
И я пока ещё не знаю,
Что могут это всё украсть.

Я сессию не завалила —
Любимый тортик «Прага» ем.

Вчера на фарце прикупила
Пластинку группы Бони Эм.

И смотрит на меня с улыбкой,
Пока несу какой-то бред
С самоуверенностью пылкой
Влюблённый парень-почвовед.

Апрель заигрывает с маем,
Но помыслы его чисты...
И я ещё пока не знаю,
Что где-то есть на свете ты!

* * *

Кровятся высверки зари
Меж льдистых облаков...
«Люблю тебя!..» — не говори
Мне этих страшных слов.
Уж лучше оставайся нем
И сделай вид, что глух:
Они безжалостны ко всем,
Кто произнёс их вслух...
Уж лучше поцелуем я,
Мой милый обормот,
Под пересуды декабря
Тебе закрою рот.
Пусть от зависти ворчит
(И окороту нет!)
Весь добродетельный на вид
Декабрь, старый дед.
Я поцелую — не совру,
Ведь я не из тихонь!
...Пылает на шальном ветру
Наш поцелуй-огонь.

* * *

Двадцать семь километров
до финской границы...
Древний Выборг собою весьма недурён.
Мне бы только в него невзначай
не влюбиться,
Ведь от веку он не был никем покорён.

Выборг! Ветром, дождём
или лучиком солнца,
Хоть намёком меня за собой позови!..
Но свинцовых небес слюдяное оконце
Не сулит (даже вымолвить страшно!)
любви.

Городок с ноготок... Городок-неулыба...
Светлый рыцарь с пощады не знавшим
мечом.

Имя Выборг звучит,
как приказ сделать выбор
Между светом и тьмой,
между злом и добром...

Между мной и тобой, что стоят на границе
Двух великих миров двум вселенным
под стать...
И стальная двуглавая хищная птица
Изготовилась в зябкое небо взлетать.

Мне б утешить тебя, милый Выборг,
да нечем!
Всё однажды закончится в мире войной...
Но взлетает крылатой ракете навстречу
Та любовь, что отверг ты
при встрече со мной.

* * *

Золотая осень, плачь,
Но смиришься с природным чудом —
Коренастый карагач
Не расстался с изумрудом.

Верность лету сохранил.
Не купился зябким златом.
Чем же он тебе не мил?
Знать, не быть ему богатым!

Ты расстроена до слёз,
Ведь милей его упорства
Верноподданных берёз
Золочёное притворство.

Или преданность осин,
Что купила за медяшки.
Или трепетность рябин,
Что в крови дрожат, бедняжки.

Все склонились пред твоим,
Осень, злато-государством...
Карагач неумолим
Со своим степным бунтарством.

Оренбургский сторожил,
Он один из всех не плакал,

Когда голову сложил
Пугачёв пред смертной плахой.

* * *

Было-сплыло... шатко-валко...
Что ни сокол — пустельга.
Что ни речка — то Каргалка.
Что ни девка — то карга.

Что ни век — метель да стужа.
Край непуганых невест,
Оренбуржье, Оренбуржье
На десятки вёрст окрест!

Здесь казачья хата — с краю,
Да и та давно ничья.
Край, на кой тебе такая
Пересмешница, как я?

Есть вопросы без ответов,
Без вопросов есть ответ...
Ты помог мне стать поэтом,
Хоть ни разу не поэт!

Не взыщи, мой край, каргою
Стать старалась — не смогла.
Знать, твоей любви не стою.
Остальное — бла-бла-бла...

Да и ты, хотя и сокол,
Однозначно — не сапсан,
Чтобы мучиться высокой
Страстью по Диане Кан.

Заходясь в метельном плаче,
Зацелованный тоской,
Край, живущий на удачу,
Ну на кой ты мне такой?

* * *

Ну чем мы с тобою, ответь, виноваты?
Что мы родились, никого не спросили,
В России, где солнце не знает заката,
В божественной, Богом забытой, России?..

Ответят пусть майские вешние грозы,
Осенние и златокудрые ветры.
Ответят крещенские злые морозы
И вьюга седая, чья песенка спета.

А, собственно, нам и ответа не надо,
Чтоб жить на земле этой, политой кровью
Отцов, что в бесчисленных войнах
проклятых
Её защищали сыновней любовью.

И пусть то, что нами до боли любимо,
Порой проклинаям мы так вдохновенно,
Но кровь победителей непобедимо
Пульсирует в наших забывчивых венах.

* * *

Она, проникая сквозь стены,
Стеной становилась не раз.
Она, не прощая измены,
Сама изменяет подчас.

Всесильна и любвеобильна,
Но так беззащитна порой.
Становится милой насильно
И жизнь почитает игрой.

Восславит, унизит, ославит
В прозреньях-презреньях вольна.
Она монархически правит,
В пророчествах растворена.

С царицы отнюдь не убудет
Стоять у закрытых дверей,
За коими челядь пирует...
Ведь имя Поэзия ей.

* * *

Жизнь, что казалась жуткой,
Вдруг оказалась шуткой —
Кроткой улыбкой Бога,
Что пошутил немного.
Стерва — любовь земная! —
Не подарила рая.
Женское счастье, где ж ты?
Тают в ночи надежды!
Что там ещё осталось?
Мудрость? Такая малость...
Теплится сквозь химеры
Вербная ветка веры.
Всё, что ждала всерьёз ты —
Вылечат вербохлёсты...
... Бог обещал спасенье
В Светлое Воскресенье!

* * *

Целует питерский поребрик
Вольнолюбивый ветерок,
Весь неприкаян, словно Неприк,
Из коего в столицы сбёг.

Тая к ветрам столичным зависть
(Чтоб не смотрели свысока!)
Он, в доску стать своим стараясь,
Скрывает запах полынка.

Скрывает запах мяты дикой
Для сохранения лица,
Ромашки, кашки, повилики,
Татарника и чабреца.

Дыша духами Незнакомки,
Его столичные дружки
Вовсю благоухают Блоком
Простонародью вопреки.

А с ним здороваются сухо
И он взволнован — что не так? —
Пропахший терпким русским духом
Почти есенинский земляк...

Ах, волжский непоседа-ветер,
Ты так столичности искал,
Что, сам того и не заметил —
Себя в столицах растерял.

Ты льнёшь к столичным модным стервам,
Ища в них брошенных невест.
Ты шаурму зовёшь шавермой,
Парадным ты зовёшь подъезд.

Ты кацавейку обзываешь
Словечком питерским — бадлон.
И понемногу обживаешь
Свинцово серый небосклон.

...Но иногда в часы заката
Среди столичной суеты

Тебя настигнет запах мяты,
Как запах преданной мечты.

* * *

Всяк кулич свою хозяйку хвалит
В светлый день пасхальный на Руси.
Всяк кулик своё болото славит,
Песни вознося до небеси.

Следуя божественной методе,
Он под звоны золотых церквей
Гордо панегирики выводит
Милой малой родине своей.

Скажете, нескромны и скромны
Эти песни — вроде ни о чём?..
Как же ни о чём? Они о доме,
Что богат пасхальным куличом.

Бабушка с улыбкой разрезает
Царь-кулич, нахваливая жизнь.
И не запах в небеса взмывает —
Местный родовой патриотизм.

* * *

Нет, я вопроса не задам последнего,
Припоминая юные грехи,
Куда ты дел того 20-летнего
Мальчишку, что любил мои стихи?

Мальчишку, вдохновением горящего,
С кудрями цвета ангельского льна,
О творчестве часами говорящего...
Ведь я в него доселе влюблена!

О доблести, о славе, о бессмертии
Я промолчу, чтоб не напоминать
Тебе в канун пятидесятилетия,
Каким ты был недавно, в двадцать пять.

Мне улыбнись, как прежде, на прощание
Улыбкой виноватую своей...
Читай мои стихи-воспоминания.
И ни о чём, что было — не жалей!

